

Е. Е. Уразбаев

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Рассматриваются основные подходы к исследованию национализма. Приведены характеристики концептуальных направлений, выявлены их сильные и слабые стороны. Отмечается, что в политической науке отсутствует единая самодостаточная теория, которая могла бы стать инструментом изучения различных проявлений национализма.

The article examines the main approaches to the study of nationalism. The author describes characteristic features of conceptual trends, reveals their strengths and weaknesses. The article shows that in political science there is no single self-sufficient theory that could become an instrument for studying various manifestations of nationalism.

Ключевые слова: национализм, нация, идентичность, примордиализм, инструментализм, конструктивизм.

Key words: nationalism, nation, identity, primordialism, instrumentalism, constructivism.

В современной политической науке национализм предстает политической идеологией и практикой, которые устремлены к установлению приоритета нации и формированию специфичной идентичности, выраженной в осмыслении, ощущении индивидов принадлежности к ней. При этом изучение формирования, развития и влияния национализма до сих пор происходит в рамках нескольких концептуальных направлений.

Так, приверженец экономического, неомарксистского направления Т. Нэйрн акцентирует внимание на неравномерности экономического развития в эпоху индустриального общества. Согласно его позиции, национализм выступает средством мобилизации народных масс в отстающих, «периферийных» обществах в ответ на ускоренный переход мировой экономики на капиталистическую модель. Для противостояния внешним центрам развития (так называемым государствам-угнетателям) и их господству интеллигенция и средний класс в указанных обществах не обладают необходимыми экономическими или политическими ресурсами, поэтому они прибегают к методам формирования межклассовых общностей на основе понятных народу чувствах и идеях [16, р. 340]. Именно интеллигенция выполняет активную роль в конструировании идентичности и создании наций. Она ведет работу, обращаясь к мифам, обычаям, фольклору и другим, образуя при этом целостную национальную культуру. Рассуждая о проявлениях национализма в развитых обществах, Т. Нэйрн отмечает, что подобные случаи относятся к «относительному сверхразвитию», когда активно экономически развивающиеся на какой-либо территории народы сдержи-

вает политически доминирующее над ними государство. По мнению исследователя, понять национализм можно, сосредоточившись на противоречивых и разрушительных последствиях неравномерного развития.

К экономическому направлению можно отнести и концепцию Э. Геллнера, который рассматривал национализм как политический принцип, устанавливающий совпадение этнической (национальная общность) и политической (государство) единиц. Как считает ученый, развитие национализма обусловлено новой ролью культуры в индустриальном обществе, которое в отличие от аграрного требует строгой однородности. Это выражается в том, что для обеспечения условий производства общество указанного типа требует единого культурного смысла и стандартизированного языка, что появляется благодаря стандартизированной государственной системе образования. Государства, поддерживая национализм «высоких городских культур», в первую очередь письменную культуру, вырабатывают основу для формирования наций [5, с. 127].

Еще в 1964 г. Э. Геллнер пришел к мысли, что национализм следует понимать только в контексте влияния индустриализации, которая, подорвав традиционные социальные структуры, придала ведущую роль культурным элементам [13]. По его мнению, идентичность индивидов перестала определяться социальными отношениями. Главным фактором стала культура, а удвоенные культурными различиями социальные расколы, появившиеся по причине неравномерности индустриализма, обострили националистические конфликты. Согласно подходу Э. Геллнера, национализм зародился исключительно в рамках нового промышленного порядка, когда политические единицы были определены с точки зрения культурных границ. Национальная идентичность в его понимании формируется на основе солидарности, общего наследия и собственного выбора индивидов, а нации представляют собой выражение «высокой культуры» в политической и социальной сферах.

Иной подход к национализму был отражен в политико-идеологических теориях. К примеру, политику в качестве главного фактора в формировании наций рассматривал Э. Хобсбаум. Британский историк отстаивал позицию, которая заключалась в том, что нации — это воплощение «изобретенных традиций», являющихся «совокупностью общественных практик ритуального или символического характера, регулируемых при помощи признаваемых явно или по умолчанию правил, направленных на внедрение определенных ценностей и норм поведения путем повторений, которые автоматически подразумевают преемственность с прошлым» [14, р. 1–2]. Исследователь утверждает, что подобные традиции, устанавливаемые политическими и интеллектуальными элитами, отвечают за сплоченность и единство обществ либо символизируют их, упрочнение институтов, статусов или властных отношений, а также социализацию через привитие ценностей, образцов поведения и мнений. Кроме того, в процессе строительства наций отмечается большая роль изобретаемых знаков, которые наполнены символически и эмоционально. Э. Хобсбаум также говорит о двух типах национализма: массовом гражданском политическом, который характерен для крупных сообществ, и этнолингвистическом национализме, присущем, как правило, меньшим группам.

Одним из представителей культурологического подхода в изучении национализма является Б. Андерсон. В книге «Воображаемые сообщества» исследователь, подчеркивая сложность определения «нации» и «национализма», придерживается позиции, согласно которой национализм должен рассматриваться не как политическая идеология, а как культурная система или определенное мировоззрение [2]. По его мнению, нации представляют собой суверенные и в то же время ограниченные этнические сообщества, представляемые в воображении группами людей, иррационально ощущающими связь между собой и национальным пространством. Сообщества, члены которых, не зная своих собратьев, имеют в сознании образ всей их общности, зародились в том числе благодаря развитию печати и, как следствие, языков, а в ходе истории национализм прошел через лингвистическую, официальную и гражданско-республиканскую формы.

Ряд важных подходов к исследованию национализма связан изучением этнического фактора в формировании национальной идентичности и наций. Большая часть основных теоретических направлений рассматривали этничность как исходный компонент наций, не останавливаясь на нем подробно, однако в рамках примордиализма, инструментализма и конструктивизма этнический фактор был оценен с содержательной стороны.

Термин «примордиализм» в научный оборот ввел американский социолог Э. Шилз в 1957 г., а одноименное теоретическое направление было доминирующим вплоть до 1980-х гг. Э. Шилз уделял внимание «родственному качеству» внутри семей [18]. Позднее акцент на «кровных узах» начал наблюдаться в рамках изучения этничности. Так, историк Г. Айзекс утверждал о сосуществовании базовой групповой идентичности, которая для каждого индивида является следствием рождения в определенной общности в определенное историческое время. По мнению исследователя, эта идентичность у любого человека основана на следующих элементах: физическое тело, имя (как индивидуальное, так и название общности), язык, на котором он говорит, религия, происхождение и история общности, в которой он родился, национальная или этническая принадлежность, место рождения, культура [15].

В рамках примордиализма этнические характеристики общностей рассматриваются как данность и определяются как врожденные, воспроизводящиеся путем передачи между поколениями, а восприятие и приверженность индивидов к своим этническим группам возникают из чувств естественного сходства. Важно заметить, что подобная «опосредованная данность» всегда является результатом длительного группового опыта.

Ярким отечественным приверженцем примордиализма является Л. Гумилев, который в своей теории отталкивается от социобиологического детерминизма. По его мнению, этнос — «тот или иной коллектив людей, противопоставляющий себя прочим аналогичным коллективам, имеющий свою внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, и органические характеристики» — является особенной биофизической реальностью, которая заключена в социальную оболочку [7]. Поэтому этнос выступает не именно социально-групповым, а био-

физическим и даже географическим явлением, так как окружающие условия по большей части формируют и обеспечивают этносы. Также интересен процесс этногенеза, представленный Л. Гумилевым, который состоит из четырех ступеней: рождение, подъем, упадок, умирание. Особенная роль в этом процессе принадлежит биологическому потенциалу людей, который накапливается в коллективах этносов. Автор именует этот потенциал «пассионарностью». Ей обладают группы людей, которые вовлекают формирующийся этнос в активную жизнедеятельность. Достигнув своего предела, этнос умирает под влиянием пассионарного этапа у других. Таким образом, развитие этноса связано у Л. Гумилева с пассионарным толчком.

Отметим, что главным недостатком примордиализма является то, что он стремится к абсолютизации объективных факторов формирования общностей.

Важнейшим подходом, который представляет уже постмодернистские концепции этничности, стал инструментализм. Инструменталисты утверждают, что физические и культурные характеристики общности образуют средство, при помощи которого группа людей может выдвигать и реализовывать свои интересы. При этом сама общность конструирует себя как социальную группу потому, что ее члены осознают политическую выгоду. Принадлежности к социальным группам рассматриваются инструменталистами в одном ряду с принадлежностями к партиям или группам интересов, а объективность этничности отрицается полностью. По данному подходу этнические группы не имеют фиксированных границ, а этническая идентичность представляет собой результат экономических, социальных или политических процессов. Чаще всего ее объясняют как последствие манипулирования со стороны политических акторов, которые эксплуатируют этнические темы, либо как отождествление индивидом себя с группой ради политических интересов. Часть инструменталистов, разделяющих марксистскую доктрину, даже настаивает на том, что этническая принадлежность — это ложное самосознание, сформированное усилиями доминирующих групп для сокрытия классовых интересов.

Одними из первых в направлении инструментализма стали работы П. Брасса, которые были посвящены проблемам мобилизации этнических групп на основе манипуляций этническими символами и связями со стороны элит [11]. Отечественными представителями инструменталистского подхода являются Р. Абдулатипов [1] и Ю. Арутюнян [3].

Объяснительные возможности инструменталистского подхода о феномене этничности в политике намного шире, чем у примордиализма. Однако инструментализм не учитывает социальной природы идентичности и не рассматривает этничность в полной системе социальных взаимоотношений. Кроме этого, подход обращает мало внимания на объективные и индивидуальные факторы.

Попытки преодолеть недостатки инструментализма и примордиализма, синтезировать их концепты вылились в конструктивистский подход. По мнению конструктивистов, «этничность коренится не “в сердцах”, а “в головах” индивидов, которые являются членами групп “воображаемых сообществ” или социальных конструкций» [9, с. 42]. Ос-

новы конструктивистского подхода были заложены в работах Дж. Ротшильда [17], М. Эсмана [12]. В отечественной науке работы с критикой примордиализма в пользу конструктивизма принадлежат В. Тишкову [10].

Ключевое понятие «этнических границ» было введено конструктивистом Ф. Бартом [4]. В работе «Этнические группы и социальные границы» исследователь игнорирует понятие «нация». Его внимание обращено на культуру, которая в понимании исследователя является скорее результатом формирования этнических групп, чем предпосылкой. Установлению этнических границ, которые определяют группы, способствуют этнические маркеры — элементы культуры, определяемые членами групп для обозначения своих отличий. При этом первичными считаются именно границы, а не удерживаемое ими культурное содержание. Несмотря на то что Ф. Барт не объясняет, кто и как именно определяет этнические границы, отмечая лишь, что этнические группы в большей степени мобилизуются лидерами, его теория заслуживает особого внимания за попытку объяснить деятельность групп и процессы формирования представлений об этничности, культурных черт. Ученый подчеркивает, что стремление этнических групп к отличию от других, то есть к самосохранению, вытекает из конкретных экономических, политических, исторических или экологических ситуаций. В рамках его подхода можно выделить четыре основных уровня изучения этнической принадлежности и ее измерений. На первом исследователь рассматривает, как формируется личность индивидов в контексте взаимодействия с другими индивидами, на втором — формирование и мобилизацию групп, на третьем — влияние государства на этнические группы через правовые рамки, специфические политики и применение силы, на четвертом — возникновение глобального дискурса о правах человека.

Конструктивизм предполагает социальный характер происхождения и природы этничности, которая рассматривается как форма социального конструирования культурных различий в обществе. При этом этническая идентичность отличается от других видов идентичности представлениями или верой об общей культуре, верой индивидов в то, что они связаны естественными и природными связями, представлением или мифом об общности происхождения и общей истории. Природа этнической идентичности, с точки зрения конструктивизма, выражается в том, что этнические группы представляют результат исторических, политических, экономических и ситуационных факторов; индивиды разделяют общие представления об этнической группе; этнические группы разграничиваются за счет значимых и присущих им культурных характеристик, которые выступают маркерами деления; важную роль в конструировании этнической идентичности играют «этнические предприниматели», которые, преследуя политические цели, мобилизуют этнические группы.

Конструктивистский подход не может считаться универсальным, так как практически не затрагивает примордиальную, естественную основу этнической идентичности. О невозможности использования одного подхода пишет М. Губогло: «В самом конструировании этничности

имеется две стороны: внутреннее самоконструирование, то есть то, на чем основан примордиализм, и внешнее, то, что в советской терминологической системе называлось языковым или национальным строительством» [6, с. 54]. Иными словами, речь идет о том, что этническая идентичность имеет способность проявляться на двух уровнях: как примордиально образовавшаяся общность и ситуативно образованная в виде некоей организационной структуры для достижения каких-либо целей. Отмечая роль этнического фактора в современной политике, далее автор пишет следующее: «В каком бы концептуальном клише ни рассматривать этничность — примордиалистском или в инструментально-конструктивистском, вряд ли можно отрицать тенденции ее актуализации и коллективной мобилизации в новейшей истории, особенно ярко проявившие себя накануне и в первые годы после распада СССР» [6, с. 216].

Стоит отметить, что общим недостатком как примордиалистского, так и модернистских подходов к изучению национализма остается изложение его природы на основе какого-либо одного фактора либо определенной группы факторов. Как полагает И. Мусаев, именно по этой причине большинство теоретических направлений подвергается критике за «редукционизм». «Подобно хамелеону, национализм меняет свою окраску в зависимости от окружающей среды. Теории и подходы, которые пытаются объяснить такой сложный и изменчивый феномен, как национализм, чем-либо одним, неизбежно впадают в редукционизм. Исследователи, дабы избежать этого, нередко ударяются в другую крайность. Они описывают такое множество факторов, что под них подпадает практически все многообразие социальной жизни», — отмечает он [8, с. 40]. По мнению И. Мусаева, единой и самодостаточной теории национализма не может существовать в принципе. Это объясняется тем, что проявления национализма находятся в зависимости от социального, исторического и политического контекста и могут применять различные формы. В этой связи разными могут быть и факторы, которые обуславливают институционализацию национализма. Российский исследователь, подчеркивая, что различным нациям присущи собственные виды национализма, а также политические и идеологические установки, предлагает изучать этот феномен с помощью теорий, концентрирующих внимание на отдельных аспектах. Так, например, он обращает внимание на то, что все виды национализма объединены общей риторикой «интересов нации», то есть собственным дискурсом. При этом вне контекста национализма в современном мире не могут существовать какие-либо нации. Его использование необходимо для определения, объяснения и воспроизводства указанных социальных групп, общие и исчерпывающие объективные или субъективные характеристики которых выявить в наше время представляется весьма затруднительным. Указанный «националистический дискурс» провозглашает приоритет интересов и ценностей одной нации над другими, утверждает нацию единственным источником легитимности и противопоставляет ее с «другими».

Таким образом, в современной политической науке развиваются различные подходы к изучению национализма, однако до сих пор исследователями не была представлена «всесторонняя», комплексная теория, которая могла бы одновременно объяснить происхождение и эволюцию идеи нации, коллективных чувств, национальной идентичности, а также быть инструментом для изучения различных проявлений национализма. Каждое описанное выше концептуальное направление, как правило, соответствует лишь одному из указанных пунктов и не лишено недостатков. В этой связи объяснение природы наций и национализма до сих пор остается вызовом для исследователей.

Список литературы

1. *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
3. *Арутюнян Ю.В.* О трансформации социальной структуры постсоветских наций // Социологические исследования. 1998. №4. С. 57–67.
4. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. М., 2006.
5. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
6. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003.
7. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
8. *Мусаев И.М.* Современные подходы к изучению национализма // Человек, Общество, Управление. 2006. №1. С. 36–49.
9. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
10. *Тишков В.А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1977. №3.
11. *Brass P.* Ethnic groups and the state. L., 1985.
12. *Ezman M.* Ethnic conflict in the Western World. Ithaca, 1977.
13. *Gellner E.* Thought and Change. L., 1964.
14. *Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
15. *Isaacs H.* The Idols of the Tribe. N. Y., 1975.
16. *Nairn T.* The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism. L., 1977.
17. *Rothchild D.* Managing ethnic conflict in Africa. Washington, 1997.
18. *Shils E.* Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // British Journal of Sociology. 1957. №7. P. 13–45.

Об авторе

Евгений Евгеньевич Уразбаев – ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

The author

Evgeniy Urazbaev, Assistant professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yrazbaev@gmail.com